

АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ,

настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря.

Воспоминанія священника.

I.

Къ обширной біографіи архимандрита Фотія, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г., въ томѣ XIII, стр. 301 и 459, присоединяю мои воспоминанія объ этой своеобразной личности, бывшей и служащей до сего времени въ нашей исторической литературѣ предметомъ пререканій.

Около 1825 г. объ отцѣ архимандритѣ Фотіѣ ходили повсюду обидные толки и я безсознательно имъ поддавался. Въ это время случай вовсе неожиданно свелъ меня съ отцемъ Фотіемъ. Дѣло было такъ.

Въ пятницу, на масленицѣ, 8-го февраля 1825 г., я (доканчивая тогда послѣдній годъ моего академическаго курса въ Александро-Невской духовной академіи) приглашенъ былъ на блины къ Николаю Макаровичу, священнику церкви Николы Мокраго, иначе называемой церкви св. Владиміра, что на Петербургской сторонѣ, близъ пеньковаго буяна. Жена этого священника, Ирина Ѳедоровна, была родная, по матери, тетка отца Фотія. Приѣхавъ къ нимъ, часу въ 10-мъ утра, я принятъ былъ матушкою, т. е. женою священника, какъ и всегда, весьма радушно. Она пригласила меня въ небольшую гостиную. Семейство это, послѣ наводненія, бывшаго 7-го ноября 1824 г., разорившаго ихъ квартиру въ церковномъ домѣ, жило тогда въ мезонинѣ небольшого домика какого-то купца. Священника не было дома; жена его, извиняясь, что не можетъ заняться со мною, пошла въ кухню готовить блины; а я въ гостиной занялся ея малолѣтними дѣтьми, коихъ было человѣкъ шесть. Нѣсколько минутъ спустя, попадья вбѣгаетъ въ тревогѣ и говоритъ:

— „Яковъ Лукичъ (это мое имя), графиня къ намъ!“ т. е. Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская.

Я притворилъ изъ гостиной дверь въ залъ, и услышалъ голосъ хозяина, т. е. священника Николая Макаровича. Черезъ минуту входитъ въ гостиную Ирина Ѳедоровна и говоритъ:

— „Яковъ Лукичъ, это не графиня, а отецъ Фотій пріѣхалъ въ графининой каретѣ. Выйди къ нему и прими благословеніе“.

Я, наслушавшись много невыгодныхъ толковъ объ отцѣ Фотіѣ, сказалъ: „ни за что не выйду“. Но, когда я пособлялъ маленькимъ дѣтямъ одѣваться и черезъ отверстую дверь пропускалъ ихъ въ залъ, къ отцу Фотію, онъ всталъ съ своего мѣста и выступилъ на средину зала. Благословляя дѣтей, онъ не могъ уже не замѣтить меня и тотчасъ спросилъ: „это кто у васъ?“ Не имѣя возможности укрыться отъ него, я вышелъ и наклонился, чтобы принять отъ него благословеніе. Благословляя меня и крѣпко зажавъ руку мою, принимавшую благословеніе, онъ быстро началъ: „кто ты такой?“—Студентъ духовной академіи.

— „Давно ли ты учишься?“

— Четвертый и послѣдній годъ.

— „Откуда ты?“

— Изъ Тверской духовной семинаріи.

— „Чей ты сынъ?“

— Священниковъ.

— „Не имѣешь ли въ чемъ нужды?“

— Ни въ чемъ не имѣю.

— „Поѣдемъ со мною“.

Съ сими словами онъ обратился къ выходной двери, при которой, въ графининой голубой ливреѣ, стояли два высокіе лакея. Ошеломленный такою нечаянностью, я весь растерялся. Ирина Ѳедоровна подала мнѣ студенческій сюртукъ и пособила мнѣ напялить его поверхъ фрака. Я очутился при выходѣ изъ двери. Одинъ изъ лакеевъ взялъ подъ руку отца Фотія, а другой подхватилъ меня, и повели насъ по весьма узкой лѣстницѣ внизъ. На дворѣ стояла графинина карета, заложная въ четверню, цугомъ. Отецъ Фотій указалъ тростью на меня и на карету; меня вбросили перваго, какъ воробья, въ карету, и я занялъ мѣсто съ правой, а о. Фотій съ лѣвой отъ меня стороны. Карета двинулась; о. Фотій, подложивъ руку свою подъ мой картузъ, приказалъ накрыться. Я, ни живой, ни мертвый, думалъ, что такое дѣлается со мною? Лишь только выѣхали мы со двора на улицу, отецъ Фотій, наклонясь къ самому уху моему, громко спросилъ:

— „Любишь ли ты меня?“

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопреподобіе.

— „Почему ты меня не любишь?“

— Потому что всѣ васъ не любятъ.

— „А за что всѣ меня не любятъ?“

— Не знаю.

— „Да ты-то за что меня не любишь?“

— Я сказалъ,—за то, что всѣ васъ не любятъ.

— „Я тебя полюбилъ, что говоришь правду“.

Я поблагодарилъ легкимъ наклоненіемъ головы.

Отецъ Фотій постучалъ въ переднее стекло кареты, и карета остановилась. Онъ приказалъ: „на Тучковъ мостъ. Вотъ, я тебѣ покажу, за что меня всѣ не любятъ. А я тебя полюбилъ“.

Переѣхавъ на Васильевскій островъ, онъ долго каталъ меня по острову взадъ и впередъ и указывалъ на разные дома, объясняя мнѣ: „тутъ была такая-то масонская ложа, тутъ такая-то, тутъ былъ такой-то предсѣдатель, тамъ такой-то, тутъ преподавалось такое-то ученіе, тамъ, такое-то“, и проч. и проч. Онъ много мнѣ рассказывалъ скороговоркою, но я ничего почти не понималъ, не понималъ даже и того, чтò такое масонство, хотя оно, въ то время, у всѣхъ было на языкѣ. Наконецъ, онъ сказалъ: „домой“. Карета пронеслась черезъ Исаакіевскій мостъ, и остановилась на Дворцовой набережной, близъ эрмитажа, у подъѣзда графинина дома. Вышедши изъ кареты, о. Фотій спросилъ меня:

— „Зачѣмъ ты былъ у тетки?“

— Я приглашенъ былъ на блины.

— „Поди назадъ, прямо чрезъ Неву, къ теткѣ; ты застанешь еще блины“.

— Благодарю, ваше высокопреподобіе.

— „Жаль мнѣ, что я лишилъ тебя блиновъ“.

— Помилуйте, ваше высокопреподобіе; вы накормили меня такими блинами, которыми до смерти будетъ рыгаться.

— „Приходи завтра ко мнѣ кофе пить“.

— Куда прикажете?

— „Въ мою квартиру“.

— То есть, въ лавру?

— „Да“.

— Въ какое прикажете время?

— „Въ 6 часовъ утра“.

Принявъ отъ него благословеніе, я нѣсколько минутъ стоялъ у подъѣзда, какъ одурѣлый; думалъ, дѣйствительно, прямо чрезъ Неву, вернуться къ его теткѣ, но тотчасъ разсудилъ лучше идти въ ака-

демію. Въ эту минуту я былъ подобенъ мышонку, счастливо вырвавшемуся изъ лапы облакавшаго его царя звѣрей, и пошелъ тихимъ шагомъ, чрезъ арку главнаго штаба, на Невскій проспектъ, обдумывая все со мною случившееся. Изъ разговоровъ его особенно замѣтилъ я слѣдующее, разительно высказанное имъ замѣчаніе:

— „Да, спасибо отцу Григорію (то есть, бывшему въ то время ректору духовной академіи, викарію, и въ послѣдствіи митрополиту С.-Петербургскому); отецъ Григорій поправилъ академію; а прежде она много путалась“.

Этимъ словомъ о. Фотій самъ подтвердилъ носившійся тогда слухъ, что онъ не терпитъ академіи и что академія относится къ нему неприязненно.

Дойдя до Знаменской церкви, я почувствовалъ небольшую тревогу въ желудкѣ, зашелъ въ фельдъегерскій корпусъ, помѣщавшійся тогда противъ церкви, въ домъ Лопатина, засталъ семейство пріятелей моихъ за обѣдомъ; тутъ былъ знакомый мнѣ пожилой фельдъегерь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Трейманъ; меня пригласили къ столу, но я почти ни до чего не коснулся, но сидѣлъ задумавшись о своей нечаянной встрѣчѣ съ о. Фотіемъ. Г. Трейманъ спросилъ меня, что я такъ задумчивъ? Я рассказалъ всѣмъ бывшимъ за столомъ исторію моей нечаянной встрѣчи съ о. Фотіемъ, и всѣ удивились.³ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ замѣтилъ: „идти къ о. Фотію—опасно, и уклониться отъ его приглашенія—не безбѣдно. Онъ достанетъ тебя, хотя бы скрылся на дно моря“. Озадаченный еще болѣе этими словами, я, посидѣвъ нѣсколько минутъ, пошелъ, какъ шальной, въ свою академію. Пришедши въ свой номеръ, я былъ встрѣченъ товарищами, съ вопросами: гдѣ былъ? что видѣлъ? что слышалъ? и проч. и проч.—Чтобы отвязаться отъ нихъ, я вздумалъ уйти отъ нихъ на другую половину, въ которой помѣщались начальствующіе въ академіи, въ бакалавру Андрею Степановичу Красносельскому, который меня особенно любилъ, и который въ то время лежалъ въ постелѣ больной. Увидавъ меня, онъ очень обрадовался и сказалъ: „всѣ-то меня бросили; и служитель мой куда-то пропалъ; не кому испить подать. Поставь пожалуйста самоваръ“. Я приготовилъ чай, и за чаемъ рассказалъ ему исторію моей встрѣчи и весь разговоръ мой съ о. Фотіемъ. Андрей Степановичъ очень удивился, и просилъ меня повторить весь разговоръ съ о. Фотіемъ. Я повторялъ, а Андрей Степановичъ дѣлалъ на всѣ пункты разговора свои замѣчанія. Наконецъ я спросилъ: какъ мнѣ быть, Андрей Степановичъ? Идти ли мнѣ завтра къ о. Фотію, или нѣтъ? — Онъ, довольно подумавъ, сказалъ тоже, что и г. Трейманъ: „о. Фотій щутитъ собой не любить. Не идти къ нему нельзя; со-

крыться отъ него невозможно; онъ со дна моря тебя достанетъ, а идти къ нему очень опасно. Сохрани Богъ, если наше академическое начальство узнаетъ, что ты²ходишь къ нему“. Потомъ, нѣсколько подумавъ: „сходи къ нему,—сказалъ,—разъ; замѣть и перескажи мнѣ все отъ слова до слова, чтѣ онъ будетъ говорить. А въ какое время тебѣ приказано быть у него?“ — Въ 6 часовъ утра. — „Смотри, не смѣй опоздать ни одной минутой. Эти люди весьма аккуратны, и не терпятъ ни малѣйшей неаккуратности въ другихъ“. Просидѣвъ у него до 11-ти часовъ, я вышелъ отъ него, чтобы приготовиться къ завтрашнему свиданію съ о. Фотіемъ.

Придя въ номеръ, я приготовилъ все необходимое платье, въ которомъ долженъ былъ явиться къ о. Фотію, и положилъ на свой столикъ предъ кроватью. Потомъ пригласилъ служителя и просилъ его разбудить меня при первомъ ударѣ въ колоколъ къ лаврской заутренѣ и подать свѣту. Служитель исполнилъ въ точности мою просьбу; явился ко мнѣ во время звона къ заутренѣ. Я попросилъ его узнать, отперта ли калитка, чрезъ которую мы ходили въ лавру; служитель сбѣгалъ и донесъ мнѣ, что калитка отперта. Я, помолясь Богу, со страхомъ и трепетомъ отправился въ лавру. Предъ соборомъ я также сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ, и направился къ кельѣ о. архимандрита. — Взойдя въ передаю, я весьма вѣжливо встрѣченъ былъ двумя служителями изъ дому графини, сидѣвшими за столомъ при двухъ восковаяхъ свѣчахъ, которые тихо, почти шепотомъ спросили меня: „къ о. Фотію?“ — Точно такъ. — „Кто вы?“ — Студентъ духовной академіи. — „Въ какое время приказано вамъ явиться?“ — Въ 6 часовъ утра. — „Теперь нѣтъ еще 6-ти часовъ. Пожалуйста спустя нѣсколько времени; или, не угодно-ли здѣсь подождать?“ Боясь опоздать, я испросилъ позволеніе здѣсь обождать, и сѣсть съ ними на одинъ изъ стоявшихъ тутъ диванчиковъ. Мнѣ дозволено, и я сѣлъ. Дверь изъ передней во внутреннія комнаты была отворена, и въ нихъ уже ярко свѣтились огни. Слышу—внутри, на столовыхъ часахъ бьетъ 6 часовъ. Одинъ изъ служителей вошелъ во внутреннія комнаты, въ тужъ минуту вернулся и сказалъ: „пожалуйте“.

Вхожу, помолясь на образъ, и вижу: о. архимандритъ, во второй отъ передней комнатѣ, сидитъ на диванѣ въ рясѣ и клобукѣ съ сіяющей брилліантовой панагією на груди. Я удивился, и мысленно возблагодарилъ Бога, что явился точъ-въ-точъ въ назначенное время. Благословивъ меня, онъ приказалъ мнѣ садиться. Я занялъ мѣсто поближе ко входной двери. О. Фотій сказалъ: „сидись ближе“. Я сдѣлалъ шагъ впередъ, и сѣлъ. О. архимандритъ сказалъ опять: „сидись ближе“. Я сдѣлалъ еще шагъ впередъ, и опять сѣлъ. Но онъ,

ударивъ ладонью по дивану, сказалъ: „сидись сюда“,—и я сѣлъ рядомъ съ нимъ. Первый вопросъ его, обращенный ко мнѣ, былъ: „куда ты вчера скрылся?“—Я пошелъ въ академію.—„Какъ, въ академію? За тобой вчера графиня послала троихъ, чтобъ тебя воротить“.—Я взялъ назадъ, чтобы не идти чрезъ Царицынъ лугъ, и не потерять въ масляничномъ шумѣ изъ головы моей того, что я вчера слышалъ отъ васъ.

— „Ну, самъ виноватъ, что вчера не обѣдалъ у графини вмѣстѣ съ графомъ Кочубеемъ и съ графомъ Аракчеевымъ“.

При сихъ словахъ я всталъ и обѣими руками перекрестился.

— „Что это значитъ?“ спросилъ о. Фотій.

— То, что я вчера не зналъ, куда дѣваться отъ васъ, а обѣдать вмѣстѣ съ такими высоко и свѣтло сіяющими мужами, какъ графы Кочубей и Аракчеевъ, и подумать страшно!

— „Почему такъ?“

— Потому что я твердо держусь пословицы: близъ царя — близъ смерти. Тоже я думаю и о близости къ такимъ мужамъ, каковы графы Кочубей и Аракчеевъ.

— „Это не твое дѣло, я зналъ бы, какъ отвѣчать за тебя. Ну, да, это дѣло не ушло. Ты будешь ходить ко мнѣ, и ты познакомишься съ обоими графами“.

Разговоръ начался съ того, на чемъ вчера о. архимандритъ изволилъ остановиться, т. е. о масонствѣ. Въ продолженіе разговора я всталъ и съ сердечнымъ сокрушеніемъ сказалъ: простите меня, в. п—біе, что я вчера осмѣлился сказать вамъ то, что было у меня на душѣ. Я, не зная васъ, сказалъ вамъ, что я не люблю васъ, потому что всѣ васъ не любятъ: нынѣ, имѣя счастье нѣсколько познать васъ, паче же, быть познаннымъ вами, я не могу не полюбить васъ, и буду любить до послѣдняго издыханія моего.

— „Узнаешь больше, и больше станешь любить меня“.

Въ это время докладываютъ о. архимандриту: „академическіе монахи“.

— „Просить“.

Входятъ одинъ за другимъ: о. Гавріилъ, въ послѣдствіи бывшій законоучитель Казанскаго университета и настоятель какого-то якутскаго монастыря, скончавшійся въ одномъ изъ муромскихъ монастырей, о. игуменъ Игнатій, скончавшійся въ санѣ архіепископа воронежскаго, о. Иннокентій Борисовъ, знаменитый въ послѣдствіи витія харьковскаго, и о. Арсеній, покойный митрополитъ кіевскій. Лишь только они показались въ дверяхъ, меня, какъ молнией, отшибло съ дивана, на которомъ я сидѣлъ рядомъ съ о. Фо-

тіемъ, ко входной двери. Когда они здоровались съ хозяиномъ, я стоялъ у двери, какъ преступникъ у рѣшетки подсудимыхъ, и думалъ: отъ кого я бѣжалъ, на тѣхъ и попалъ. О. архимандритъ пригласилъ ихъ садиться, и они сѣли по лѣвую руку отъ дивана. О. Фотій, указывая рукою на меня, спросилъ гостей:

— „Знаете-ли вы этого человѣка?“

— Знаемъ,—отвѣчалъ о. Гавріиль; это нашъ студентъ, Морошкинъ.

— „Хорошъ-ли онъ?“

— Очень хорошъ,—отвѣчалъ о. Гавріиль. Хвалили меня, выше моего достоинства, и другіе. О. архимандритъ, съ своей стороны, прибавилъ:

— „И я полюбилъ его. Вчера онъ мнѣ правду сказалъ, что меня не любить, и что всѣ меня не любятъ“.

Поданъ былъ всѣмъ, и мнѣ, кофе. Разговоръ велся недолго, и очень обыкновенный — объ масляницѣ. Монахи академическіе, выпивъ по чашкѣ кофе, откланились о. Фотію, и вышли, а мнѣ приказано остаться. Я сѣлъ, по приказанію его, къ столу. Входитъ о. протоіерей Петръ Ивановичъ Турчаниновъ, извѣстный знатокъ церковнаго пѣнія. Разговоръ шель о важности и достоинствахъ церковной ноты и, церковнаго пѣнія. Среди разговора докладываютъ: „графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ“, т. е. Орловъ. О. архимандритъ всталъ съ дивана, и, остановясь на срединѣ комнаты, спросилъ входившаго графа: „что?“ — „Принять благословеніе“. О. Фотій благословилъ его большимъ крестомъ, и снова спросилъ: „только?“

— „Только“, отвѣчалъ графъ, и съ симъ словомъ вышелъ отъ о. архимандрита. Не долго пробылъ у него и о. протоіерей Турчаниновъ. За нимъ поднялся и я. Но о. Фотій остановилъ меня и, повторивъ не однажды, что онъ полюбилъ меня, накрѣпко приказалъ ходить къ себѣ чаще.

Вышедши отъ него, я прямо направился къ Андрею Степановичу Красносельскому, чтобы передать ему видѣнное мною у о. архимандрита. Послѣ всего, мною подробно пересказаннаго, я спросилъ его: теперь скажите мнѣ, какъ мнѣ быть, ходить или не ходить къ о. Фотію? Послѣ нѣкотораго раздумья онъ сказалъ: „ходить къ нему хорошо, а не ходить лучше. Ты отчасти знаешь наши отношенія къ о. Фотію и его расположеніе къ академіи. Ты идешь своимъ путемъ, и идешь благонадежно. Для чего тебѣ искать милостей отъ о. Фотія и близкихъ къ нему сильныхъ земли? Иди лучше своею прямою дорогою. Тебя начальство знаетъ съ доброй стороны. А передавши

на сторону о. Фотія, ты можешь потерять благоволеніе начальства и нажить себѣ много непріятностей“.

Я рѣшился послѣдовать совѣту Андрея Степановича и пересталъ думать объ о. Фотіѣ.

II.

Наступалъ свѣтлый праздникъ Пасхи; пятерымъ изъ студентовъ, въ томъ числѣ и мнѣ, назначено было приготовить поздравительныя рѣчи преосвященному митрополиту Серафиму. Послѣ ранней, въ академической церкви, обѣдни, мы всѣ пятеро пошли вмѣстѣ со всѣмъ академическимъ начальствомъ къ митрополиту. Митрополитъ, принявъ и похристосовавшись со всѣми, не изволилъ слушать нашихъ рѣчей, а приказалъ А. И. Суслову, своему домашнему секретарю, поблагодарить насъ, какъ водится, т. е. выдать каждому изъ насъ по 15 руб. Спустившись отъ митрополита внизъ, я долго стоялъ на входномъ крыльцѣ, ведущемъ къ о. архимандриту Фотію, который въ то время былъ въ Петербургѣ, раздумывая—войти къ нему, или нѣтъ. Войти къ нему подстрекало меня сильное желаніе и несомнѣнная надежда получить отъ него хорошее красное яйцо; не идти къ нему останавливало меня слово Андрея Степановича и внутреннее чувство — потерять уваженіе къ самому себѣ и нажить укоризну совѣсти въ своемъ непостоянствѣ и искательствѣ корысти. Я остановился на послѣднемъ, и не пошелъ къ нему.

Послѣ Пасхи наступило время приготовления къ окончательному экзамену. Я занялся своимъ дѣломъ и нисколько не думалъ объ о. Фотіѣ и о теткѣ его. Окончивъ, могу смѣло сказать, счастливо и даже блистательно курсъ моего академическаго ученія, я началъ весьма часто ходить въ домъ тетки о. Фотія Ирины Ѳедоровны, къ чему возбуждали меня особенныя, близкія и самыя интересныя отношенія мои къ ея семейству. Отъ нея-то узналъ я многія, мельчайшія обстоятельства жизни о. Фотія.

Фотій былъ сынъ причетника, бѣдный сирота. Участь въ Александро-Невской семинаріи, онъ всякій праздникъ ходилъ къ своей теткѣ; она угощала его чаемъ, кофеемъ, давала ему долю или конецъ пирога, пять или десять копѣекъ на сбитень; вообще принимала его какъ мать родная. За то и о. Фотій, когда вошелъ въ славу, относился къ ней, какъ сынъ родной. Отъ нея, т. е. отъ тетки о. Фотія, и отъ товарищей моихъ, поступившихъ въ академію, въ 1821 году, изъ Александро-Невской семинаріи, слышалъ я много объ обстоятельствахъ, сблизившихъ о. Фотія съ графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою.

Ректоромъ Александро-Невской семинаріи до 1820 г. былъ о. Иннокентій Смирновъ, вызванный вмѣстѣ съ о. Филаретомъ Дроздовымъ, въ послѣдствіи митрополитомъ московскимъ, изъ Троицко-Сергіевской семинаріи или академіи въ новооткрытую, или вновь преобразованную С.-Петербургскую духовную академію, и были оба преподавателями богословскихъ наукъ; оба они, по повелѣнію тогдашней комисіи духовныхъ училищъ, много трудились надъ составленіемъ церковной исторіи, о. Филаретъ — библейской, и о. Иннокентій — послѣ временъ библейскихъ; оба они были любимцами тогдашнихъ митрополитовъ, Амвросія Подобѣдова и Михаила Десницкаго, и оба получали равныя награды: о. Филаретъ слѣбался ректоромъ академіи, а о. Иннокентій ректоромъ семинаріи. Но оба они шли каждый своимъ путемъ, и во взглядахъ своихъ на тогдашнее христіанство другъ отъ друга различались.

О. Иннокентій получилъ настроеніе духа своего, котораго и держался онъ во всю жизнь, въ Ростовѣ, Ярославской губерніи. Тамъ долгое время жилъ и двадцать лѣтъ служилъ при мощахъ святителя Димитрія прославившійся подвижничествомъ и благочестіемъ старецъ, о. Амфилохій, сынъ ростовскаго, весьма благочестиваго священника, бывшій въ началѣ діакономъ въ Ярославлѣ. Когда императрица Екатерина Вторая бывала въ Москвѣ и посѣщала Успенскій соборъ, то замѣтила, что живопись стѣнная весьма обветшала, и изволила дать повелѣніе обновить ее. Для этого вызваны были изъ ближайшихъ къ Москвѣ епархій всѣ искусные въ церковной живописи мастера, состоявшіе тогда подъ вѣденіемъ епархіальныхъ архіереевъ; вызванъ былъ и помянутый діаконъ изъ Ярославля (мірское имя его я не помню); его-то кистью обновлено все стѣнное писаніе — сотрудники его занимались только растираніемъ и приготовленіемъ красокъ—въ Успенскомъ соборѣ и сіяло свѣжестію красокъ даже до нашего времени. Когда онъ занимался стѣнною живописью въ Успенскомъ соборѣ, его дьяконница въ Ярославлѣ померла, и онъ немедленно поступилъ въ монашество, и постригся въ Ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ; тутъ онъ скончался и погребенъ, помнится, въ 1824 году. Надъ его гробомъ духовная дочь его, питавшая къ нему безпредѣльное почтеніе, довѣріе и любовь, графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, поставила богатый памятникъ, который красуется донынѣ на соборной паперти Яковлевскаго монастыря.

Къ сему о. Амфилохію имѣлъ благоговѣйное уваженіе родственникъ его, богатаго села Порѣчья, состоящаго по другую сторону озера Ростовскаго, священникъ, который, овдовѣвъ, поступилъ въ число монашествующаго братства въ Яковлевскій монастырь, и, конечно, не

безъ содѣйствія достоуважаемаго всѣми о. Амфилохіа, сдѣлался архимандритомъ и настоятелемъ, православившимся въ послѣдствіи подъ именемъ Иннокентія. Къ нимъ обоимъ, т. е. къ отцамъ Амфилохію и Иннокентію, питала глубочайшее почтеніе графиня Анна Алексѣвна, чтѣла ихъ, какъ духовныхъ отцовъ и руководителей въ жизни духовной; многократно посѣщала Ростовъ и, какъ носились слухи, даже не одна, а вмѣстѣ съ императрицей Марією Ѳеодоровной; по представительству о. архимандрита Иннокентія, устроила богатый храмъ съ лѣвой стороны при соборной церкви и обогатила монастырскую ризницу драгоценнѣйшею утварью.

Въ вакаціонное время хаживалъ въ Ростовъ изъ Троицко-Сергіевской семинаріи или академіи студентъ Смирновъ, бывалъ у о. архимандрита Иннокентія, бесѣдовалъ съ нимъ и съ о. Амфилохіемъ о христіанствѣ и, всякій разъ, кромѣ духовныхъ назиданій, получалъ отъ о. архимандрита и денежные подарки. О. архимандритъ, страдая ногами, сидѣлъ всегда на диванѣ; сзади дивана висѣли на стѣнѣ портреты живыхъ еще благотворителей монастыря, а спереди, въ глазахъ его, красовались стѣны съ изображеніями святыхъ, уже почившихъ, и онъ обыкновенно говаривалъ, что живетъ между живыми и мертвыми. Передъ нимъ ящики стола были всегда полны финифтяными образками и деньгами, которыя онъ щедрою рукою раздавалъ всѣмъ богомольцамъ, приходившимъ къ нему на благословеніе. Можно полагать безошибочно, что студентъ Смирновъ, увлекался всегда сладостною бесѣдою сихъ достопочтенныхъ мужей, Иннокентія и Амфилохіа, тогда-же расположился и рѣшился поступить въ монашество и принять имя Иннокентія.

Знаменитые старцы Иннокентій и Амфилохій были еще живы, когда Иннокентій Смирновъ вошелъ въ извѣстность и сдѣлался ректоромъ Александро-Невской семинаріи. И быть не можетъ, чтобы онъ чрезъ нихъ не сдѣлался извѣстнымъ графинѣ Аннѣ Алексѣвнѣ. Вотъ начало сближенія графини Орловой съ ректоромъ Иннокентіемъ Смирновымъ. Товарищи мои, бывшіе воспитанники Александро-Невской семинаріи, говаривали мнѣ, что они часто видѣли на семинарскомъ дворѣ богатые экипажи, въ томъ числѣ, особенно по ночамъ, и экипажъ графини Орловой. И не удивительно! Отъ ректоръ Иннокентій и графиня, напитанные духомъ православнаго христіанскаго благочестія отъ оо. Амфилохіа и Иннокентія Ростовскаго, совершенно отличныя отъ тогдашняго духа времени, не могли болѣе и болѣе не сближаться другъ съ другомъ. Отъ ректоръ Иннокентій, какъ видно изъ всѣхъ его сочиненій и изъ писемъ къ графинѣ Аннѣ Алексѣвнѣ, горячо тогда стоялъ и ратовалъ за православіе. Онъ велъ

жизнь строго подвижническую; его нерѣдко заставляли рано по утрамъ предъ большимъ распятіемъ простерто-спящаго на полу, послѣ все-нощныхъ трудовъ предъ письменнымъ аналоемъ. Во всемъ прочемъ онъ подражалъ своему наставнику Иннокентію Ростовскому.

Въ это время, въ 1816—1820 гг., обучался въ Александро-Невской академіи студентъ изъ С.-Петербургской семинаріи Павелъ Спасскій. Усмотрѣвъ отличное ученіе, занесенное въ академію изъ западной Европы, онъ не вытерпѣлъ, и, наслушавшись о благочестивомъ житіи ректора семинаріи о. архимандрита Иннокентія, онъ явился къ нему и просилъ объ опредѣленіи себя на должность учителя въ уѣздномъ духовномъ училищѣ. О. ректоръ согласился принять его. Павелъ Спасскій тотчасъ исключился изъ академіи, поступилъ въ учителя и вскорѣ, по болѣзненному состоянію и по собственной склонности, а болѣе всего по особенному вліянію на него о. ректора, постригся въ монашество, принявъ имя Фотія.

Какъ единомысленный съ ректоромъ семинаріи, пользовавшимся тогда высокою честію и громкою славою, о. Фотій, не безъ вліянія и содѣйствія его, вскорѣ опредѣленъ былъ во второй кадетскій корпусъ, законоучителемъ. Кадеты, услышавъ небывалое (?) въ ихъ классахъ ученіе вѣры, полюбили его отъ души. А усилившіеся тогда масоны гнали его всевозможными способами, задумывали даже задушить его (!), въ его квартирѣ или кельѣ (!). Кадеты вынуждены были, по ночамъ, стоять поочередно на часахъ и караулить двери его кельи (!). Рассказывали студенты духовной академіи, бывшіе с.-петербургскіе семинаристы, что одинъ разъ о. Фотій, въ глухую полночь, изъ кадетскаго корпуса прибѣжалъ къ о. ректору Иннокентію босикомъ, въ свиткѣ или рубашкѣ, спасшись отъ гонителей своихъ, при помощи кадетовъ, чрезъ окно своей квартиры, черезъ садъ и стѣну сада. Послѣ такого явнаго и наглаго посягательства на его жизнь, ему нельзя уже было оставаться въ корпусѣ и въ С.-Петербургѣ, и онъ опредѣленъ былъ въ Новгородъ въ Деревяницкій монастырь настоятелемъ ¹⁾.

Въ то же время, около 1820 года, подвергся отвѣтственности

¹⁾ Не надо забывать, что, говоря о преподаваніи Фотіемъ закона Божія въ кадетскомъ корпусѣ и о причинахъ его удаленія изъ этого заведенія, о. Морозкинъ повторяетъ только ходившіе тогда въ петербургскомъ духовномъ словѣ слухи и толки, усердно самымъ Фотіемъ поддерживаемые. Товарищъ по службѣ его во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, покойный Л. М. Спасскій, положительно говорилъ намъ, что Фотій былъ предурной преподаватель, притомъ пзувѣрство и фанатизмъ его сказывались во всемъ его поведеніи; ни бить, ни охранять его никому не было нужно. (См. «Русскую Старину», изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 304).

и преслѣдованію отъ правительства и благодѣтель его, о. ректоръ Иннокентій, за то, что онъ, по званію цензора печатаемыхъ духовныхъ книгъ, пропустилъ книжку, помнится, Станкевича, подъ заглавіемъ: „Плачъ матери надъ гробомъ младенца“, надѣлавшую тогда много шума въ Петербургѣ. Я, бывши студентомъ, читалъ эту книжку, и ничего противнаго православію въ ней не нашель. Впрочемъ, говорили тогда, что это сочиненіе пущено въ свѣтъ уже исправленнымъ. Не смотря однакожь на это, о. Иннокентій былъ удаленъ изъ Петербурга, въ санъ епископа Пензенскаго и Саратовскаго.

Прѣзжая, крайне больной, черезъ Москву, Иннокентій остановился въ домѣ благотворительницы своей, графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, что нынѣ Александровскій дворецъ. Графиня пригласила къ нему знаменитыхъ московскихъ докторовъ, которые уже не признали въ немъ надежды на выздоровленіе. Графиня при этомъ спросила его:

— „Что бы я могла еще сдѣлать для васъ?“

— „Вы все уже сдѣлали для меня“, — отвѣчалъ преосвященный Иннокентій.

— „Что бы я могла сдѣлать для вашихъ родныхъ?“

— „И для нихъ вы все уже сдѣлали, графиня. Мнѣ уже не остается ничего пожелать и для нихъ. А если вамъ угодно еще явить свою любовь и благорасположеніе ко мнѣ, то взыщите своею милостію любезнѣйшаго, по духу, сына моего, отца Фотія“.

Графиня записала его имя, а преосвященный Иннокентій отправился въ дальнѣйшій путь свой—въ путь смертный: по прибытіи на епархію, онъ черезъ шесть недѣль почилъ въ Господѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, графиня спросила митрополита объ о. Фотіѣ и просила, чтобъ онъ представленъ былъ къ ней. При первомъ свиданіи съ о. Фотіемъ, она увидѣла въ немъ наслѣдника и преемника всѣхъ благодатныхъ мыслей и чувствъ премного уважаемыхъ ею отцовъ духовныхъ: Амфилохіа, Иннокентія Ростовскаго и преосвященнаго Иннокентія Смирнова, и отнеслась къ нему съ такимъ же, какъ къ упомянутымъ отцамъ, благоволеніемъ, довѣріемъ и благорасположеніемъ. Вотъ начало сближенія ея съ о. Фотіемъ.

Много въ то время ходило по Петербургу обидныхъ для о. Фотія и для графини толковъ и слуховъ. Ими-то увлеченный, и я, въ самое первое свиданіе съ о. Фотіемъ, осмѣлился прямо сказать ему, что „всѣ его не любятъ и что я его не люблю“. Но бывая потомъ часто въ домѣ тетки его, и слушая рассказы о его подвижничествѣ, дивномъ самоотверженіи и благотворительности, простиравшейся, какъ мнѣ казалось, до безрасчетливой расточительности, я совершенно переимѣнилъ

свои мысли, сдѣлался его почитателемъ и искреннѣйшимъ его любителемъ, каковымъ остаюсь донинѣ и останусь навсегда.

III.

Настало вакаціонное время; для меня, счастливо кончившаго курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, — время самое благодатное. Тетка не разъ приглашала меня ѣхать съ нею въ Новгородъ, гдѣ жилъ тогда о. Фотій: но я, изъ глупцовъ слѣпѣйшій глупецъ, никакъ не рѣшался ѣхать, боясь нарушить свое правило жизни: всего ожидать отъ Бога, никогда не надѣясь на силу человѣческую. Какъ будто и сей единственный случай не былъ посланъ отъ Бога! 29-го августа объявлены немногимъ изъ насъ мѣста наставническія; я опредѣленъ учителемъ философіи въ Тверскую семинарію — это моя родина. Прощаясь съ семействомъ о. Николая Макаровича, я далъ слово непременно заѣхать въ Юрьевъ монастырь. 5-го сентября я явился къ о. Фотию передъ обѣдомъ; былъ принятъ весьма ласково. Первое слово его было ко мнѣ:

— „Почему ты не ходилъ ко мнѣ?“

— Потому, что боялся начальства.

— „Ты очень хорошо дѣлалъ. Куда ты теперь ѣдешь?“

— Въ Тверскую семинарію, учителемъ философіи.

— „Вотъ видишь, ты самъ собою все получилъ. А если бы ты ходилъ ко мнѣ, то, Богъ знаетъ, что было бы; ты сегодня у меня обѣдаешь“.

— Слушаю, ваше высокопреподобіе.

Онъ пошелъ въ свою комнату, а я пошелъ бродить по монастырю. Къ обѣду я явился; къ столу приглашенъ былъ еще какой-то іеромонахъ Аполлосъ и мы сѣли втроемъ. Столъ былъ весьма небогатый и совершенно постный, но хорошо приготовленный изъ одной растительной пищи; къ концу стола поданъ былъ большой арбузъ. Послѣ обѣда о. архимандритъ пригласилъ меня пройтись по монастырю, и повелъ прямо въ соборъ, въ которомъ тогда производилась каменная работа. Указавъ на отбитую штукатурку внутреннихъ столбовъ собора, онъ сказалъ:

— „Вотъ, смотри, это самая древняя, первоначальная кладка. Я снялъ всѣ позднѣйшія накладки и поправки, чтобы добиться до первоначальной“.

Я удивился необычайной величинѣ старинныхъ кирпичей и чрезвычайно толстому цементу изъ одной почти извести. Кирпичъ показался мнѣ не менѣе 6-ти вершковъ въ толщину и вершковъ 8 или 10 въ длину. Изъ собора повелъ онъ меня по корридорамъ братскихъ

келій. Я удивлялся вездѣ отмѣнной чистотѣ и приспособленности къ спокойному, монашескому житію. Привелъ въ одну келью, въ которой живописецъ трудился надъ поправкою образа св. великомученика Георгія.

— „Вотъ,—сказалъ о. архимандритъ,—первоначальный образъ великомученика. Я снялъ нѣсколько слоевъ красокъ и позднѣйшихъ поправокъ, чтобы видѣть, какъ въ древности писали образъ св. великомученика: и вотъ его настоящій видъ“.

Стиль письма, очевидно, былъ древнѣйшій, отличавшійся отъ настоящаго только грубостію красокъ. Списокъ съ этого образа видѣлъ я въ теплой церкви, что подлѣ кабинета о. Фотія, и дивился богатѣйшему его украшенію. О. Фотій, указывая на жемчужину въ шлемѣ великомученика, сказалъ:

— „Вотъ эта одна жемчужина стоитъ 1½ милліона“.

Она показалась мнѣ величиною съ голубиное яйцо, и даже нѣсколько больше его. Затѣмъ, повелъ онъ меня въ ризницу. Оставивъ безъ замѣчанія много новѣйшихъ богатыхъ облачений, онъ подвелъ меня къ послѣднему шкапу, приказалъ вынуть ризу, унизанную по оплечью драгоцѣннымъ камнемъ, и сказалъ:

— „Эта риза одна стоитъ 20 тысячъ“.

Тогда счетъ былъ ассигнаціями. Потомъ вынулъ золотой посохъ съ унизанными драгоцѣннымъ камнемъ яблоками, стоящій, по его словамъ, 40 тысячъ, митру, стоящую 250 тысячъ, и, наконецъ, пожалованную ему панагію, въ 7 тысячъ рублей. При этомъ осмѣлился я сказать:

— Теперь вамъ осталось получить только архіерейство.

На это онъ сказалъ:

— „Давно имъ (не сказалъ: кому?) хочется произвести меня въ архіереи, чтобы заслать куда-нибудь подальше, а мнѣ этого не хочется; мнѣ хочется навсегда остаться на этомъ мѣстѣ“.

— А что стоитъ, — спросилъ я, — вся эта ризница?

— „Долго времени, т. е. до 1825 года, устроено ризницы на 800 тысячъ рублей“.

— Гдѣ же прежняя ризница?

— „А вотъ сейчасъ увидишь“.

Отворили небольшую палатку.

— „Вотъ здѣсь собрано все, что до меня было“.

Я увидѣвъ одну, очень довольно подержанную бархатную фіолетоваго цвѣта ризу, низанную почти сплошь мелкимъ жемчугомъ, и нѣсколько старья, собраннаго въ кучу.

— Это немного,—замѣтилъ я,—для первокласснаго монастыря.

— „А знаешь-ли,—сказалъ о. архимандритъ,—сколько нашель я запасовъ монастырскихъ?“

— А сколько?

— „1^{1/2} четверика ржаной муки и 1^{1/2} четверика ячяного солоду“.

— Видно, было же хозяйство!

Дошли мы и до каретнаго сарая. Здѣсь, кромѣ множества крупныхъ и мелкихъ экипажей, замѣтилъ я семь новѣйшихъ, отличнѣйшихъ, въ рядѣ поставленныхъ дормезовъ, и спросилъ:

— Чтожъ это, ваше высокопреподобіе, все ваши или монастырскіе дормезы?

— „Что это за вопросъ? Все монастырское—мое, и мое—все монастырское. Я не дѣлюсь съ монастыремъ“.

Долго водилъ онъ меня и еще по монастырю, показывалъ разныя хозяйственныя заведенія и улучшенія, и разговаривалъ о разныхъ разностяхъ.

Возвратясь наконецъ въ кельи, я замѣтилъ въ первомъ залѣ только два портрета: императора Александра Павловича и графа Аракчеева, висѣвшіе рядомъ надъ дверями, что подало мнѣ поводъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ. Здѣсь о. архимандритъ завелъ разговоръ о своей теткѣ. Онъ зналъ, что ей хотѣлось выдать за меня дочь свою А. Н., и, можетъ быть, тетка надѣялась, что о. Фотій наградить ее щедрою рукою. Я молча стоялъ и услышалъ отъ него:

— „Я не знаю, для чего они надѣются на меня, какъ на роднаго? Да развѣ они не знаютъ, что у монаха нѣтъ родни и родства?“

Я всталъ и началъ благодарить и откланиваться его высокопреподобію. „Куда же ты спѣшишь?“—Меня дожидаютъ товарищи. Ихъ было трое и у двоихъ изъ нихъ не было почти ни гроша. „Останься у меня, погости, хоть недѣлю; ты еще увидишься съ товарищами: можешь даже догнать ихъ“. Но я, по непростительной моей глупости, и тутъ заупрямился. О. архимандритъ приказалъ подать своихъ пару орловскихъ рысаковъ, и велѣлъ о. намѣстнику проводить меня до постоялаго двора, гдѣ мы остановились; самъ проводилъ меня до Блинной горки, на которой, по его словамъ, сживали въ старину торговли съ блинами, далъ на дорогу сто рублей и приказалъ накрѣпко писать къ себѣ чаще, не ожидая, впрочемъ, отъ него взаимно писемъ, „потому что, говорилъ онъ, у меня и безъ того много дѣлъ“.

По приѣздѣ въ Тверь, въ первыхъ числахъ сентября, я съ горячностью занялся своимъ предметомъ, т. е. философіею. Написалъ въ продолженіе осени три или четыре письма къ о. Фотію, не ожидая отъ него отвѣта. Получилъ письмо и отъ Николая Макаровича, ко-

торымъ приглашалъ онъ меня пріѣхать въ С.-Петербургъ для жєнитбы и для занятія священническаго мѣста въ какомъ-то институтѣ, предназначаемаго мнѣ по ходатайству графини Анны Алексѣевны. Но состояніе моего родительскаго дома и его семейства, а еще болѣе случившіяся въ концѣ 1825 г. смутныя обстоятельства въ С.-Петербургѣ, волею и неволею расположили меня навсегда остаться въ Твери. Невѣста моя, двоюродная сестра о. Фотія, вышла замужъ, и я пересталъ думать о Петербургѣ и о. отцѣ Фотіѣ.

Въ 1826 г., во время коронаціи государя императора Николая Павловича, о. Фотій былъ въ Москвѣ; былъ тамъ и я. Два раза ѣздилъ я въ Новоспасскій монастырь, въ которомъ о. Фотій имѣлъ пребываніе, но не увидался съ нимъ и выкинулъ изъ головы всякіе расчеты на весьма интересное сближеніе съ нимъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ и въ Твери жить было очень хорошо,—не переставая однакожъ всегда молиться объ немъ и о графинѣ, что продолжаю и до сего дня.

IV.

Въ 1852 г. я жилъ семь мѣсяцевъ въ Корниловомъ монастырѣ Вологодской епархіи и былъ безотлучно при настоятелѣ, о. игуменѣ, въ послѣдствіи архимандритѣ Арсеніѣ. О. Арсеній долго жилъ въ новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, служилъ тамъ келліархомъ, былъ любимцемъ о. Фотія и графини Анны Алексѣевны, повѣреннымъ и самымъ благонадежнымъ исполнителемъ всѣхъ ихъ порученій. Во всегдашнемъ обращеніи съ нимъ я много узналъ отъ него о чудныхъ дѣлахъ ихъ благотворительности. Напримѣръ:

Настоятельница женскаго Вишерскаго монастыря отнеслась къ о. Фотію съ прошеніемъ о помощи ея бѣдному монастырю, терпѣвшему большой недостатокъ въ хлѣбѣ и съѣстныхъ припасахъ. О. Фотій призываетъ о. Арсенія и приказываетъ ему снабдить бѣдный монастырь всѣмъ нужнымъ, такъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ. О. Арсеній купилъ все нужное и ночью, въ зимнее время, поставилъ къ монастырскимъ воротамъ двадцать возовъ хлѣба и припасовъ, и, выпрягши лошадей, скрылся. Подобнымъ образомъ благотворилъ онъ и другимъ новгородскимъ монастырямъ.

Священникъ одной изъ новгородскихъ церквей въ слезахъ и трепетѣ разсказалъ о. Фотію о покражѣ въ его церкви. О. Фотій приказываетъ священнику молчать и отнюдь не разглашать о случившемся, а о. Арсенію повелѣваетъ ночью сходить въ окраденную церковь, сдѣлать подробное описаніе всѣхъ покраденныхъ вещей и посылаетъ его въ Москву—заказать тамъ сдѣлать точно такія же вещи, вѣсомъ и мѣрою, и, по возможности, самую внѣшнюю форму. О. Арсеній

исполнилъ приказаніе, привезъ изъ Москвы вещи, и ночью поставилъ каждую на своемъ мѣстѣ, такъ что въ Новгородѣ не было и слуху о покражѣ въ церкви.

Подобныхъ симъ благотвореній о. Фотія исчислить невозможно. Чрезъ того же о. Арсенія, отъ графини и о. Фотія дѣлались богатые вклады въ патріархіи: Константинопольскую, Іерусалимскую и Александрійскую.

Но самымъ важнѣйшимъ дѣяніемъ о. Фотія, безъ сомнѣнія, должно почитать нанесенный имъ смертельный ударъ масонству закрытіемъ масонскихъ ложъ. Дѣло это, по рассказамъ о. Арсенія, началось и происходило такимъ образомъ. О. Фотій, по природѣ живой, пылкій, горячо принимавшій къ сердцу все, возмущавшее его внутреннее чувство, сдѣлавшись весьма близкимъ къ о. ректору, а потомъ преосвященному Иннокентію Смирнову, этому великому ревнителю и поборнику, сильно стоявшему за православіе, будучи пропитанъ его мыслями и чувствами, и, такъ сказать, облеченъ его духомъ и силою, выступилъ въ бой противъ масонства съ Илиною ревностію. Онъ слѣдилъ неуспынно за всѣмъ движеніемъ масонства, читалъ внимательно всѣ масонскія книги, дѣлалъ изъ нихъ выписки, не щадилъ ничего для покупки особенно дорогихъ книгъ масонской премудрости, скупалъ цѣлыя изданія, только что выходившія изъ типографій, и жегъ ихъ, чтобы не допустить ихъ расходиться въ народѣ; подкупалъ дорогою цѣною служителей домовъ, въ которыхъ бывали масонскія засѣданія, чтобы изъ скрытнаго гдѣ-нибудь мѣста самому все высмотрѣть, услышать и узнать всѣхъ засѣдавшихъ въ нихъ; для сего служители проламывали иногда стѣны подъ самымъ сводомъ или верхнимъ накатомъ и дѣлали небольшія отверстія, сквозъ которыя о. Фотій, будучи невидимъ никѣмъ, могъ самъ все видѣть и слышать, что дѣлалось внизу ¹⁾.

Запасшись самими подробными и обстоятельными свѣдѣніями, Фотій началъ готовиться прямо и лично открыть страшную тайну масонства самому государю императору. Для сего назначилъ онъ себѣ и всему братству Юрьева монастыря сорокадневный постъ, исповѣдался, отслужилъ обѣдню и напутный молебенъ, и, прощаясь съ братією, какъ бы уже на смерть, просилъ ихъ молитвъ: По приѣздѣ въ С.-Петербургъ, онъ остановился въ домѣ графини, и послѣ рассказалъ близкимъ къ нему лицамъ, въ томъ числѣ и о. Арсенію, слѣдующее:

¹⁾ Напоминаемъ, что все это, какъ и слѣдующее за симъ, основано на разсказахъ самого о. Фотія монаху Арсенію, а потому и имѣетъ нѣкоторый интересъ, хотя, безъ сомнѣнія, далеко отстаетъ отъ правды. См. біографію Фотія въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 301—332 и 459—489.

Являсь во дворецъ, онъ введенъ былъ въ императорскій кабинетъ, представлявшій весьма длинный рядъ столовъ съ лежащими на нихъ кипами бумагъ. Остановясь почти у самаго входа въ кабинетъ, и не видя государя, который стоялъ скрытно въ другомъ концѣ кабинета, о. архимандритъ смутился и тутъ только вспомнилъ, что не взялъ съ собою образа для благословенія. Увидя на ближайшемъ къ себѣ столѣ образъ, который былъ, конечно, одинъ изъ поднесенныхъ гдѣ-нибудь государю, взялъ его со стола и всталъ съ нимъ. Государь подходитъ и спрашиваетъ:

— „Что?“ — О. архимандритъ объявляетъ причину своего представительства. На что государь: — „Какъ ты смѣлъ? — Подъ арестъ!“

И о. Фотія отводятъ въ нижній этажъ, заключаютъ въ пустую комнату и къ дверямъ приставляютъ караулъ. Тутъ пробылъ о. Фотій до полуночи. Около 12-ти часовъ его опять представляютъ къ государю. На этотъ разъ государь долго и благодушно слушалъ его, читалъ нѣсколько представленныхъ ему выписокъ изъ масонскихъ книгъ и потомъ спросилъ:

— „Гдѣ ты остановился?“

— „Въ домѣ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской“.

— „Пріѣзжай сюда въ эти же часы, на половину императрицы; отсюда тебя будутъ провожать ко мнѣ; но, чтобъ никто объ этомъ не зналъ“.

И о. Фотій ѣздилъ такимъ образомъ, секретно, въ одной каретѣ съ графиней, во дворецъ, останавливаясь всегда у подъѣзда на императрицыну половину. Слѣдствіемъ таковыхъ, частыхъ, продолжавшихся многія недѣли, пріѣздовъ о. Фотія во дворецъ, было высочайшее повелѣніе закрыть масонскія логи и обязать подпискою всѣхъ указанныхъ (?) о. Фотіемъ чиновниковъ отказаться отъ масонства. Съ сего времени государь до самой кончины своей питалъ неограниченное довѣріе и благоволеніе къ о. Фотію. А графы Кочубей, Аракчеевъ, тайный совѣтникъ Штеръ и графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская считали его въ числѣ искреннихъ друзей своихъ.

Имѣлъ къ нему благоволеніе (?) и государь императоръ Николай Павловичъ, не смотря на огорченіе, въ одинъ разъ причиненное его величеству со стороны о. Фотія. Случай къ тому былъ слѣдующій:

„Однажды, рассказывалъ о. Арсеній, рано утромъ, когда св. монастырскія врата были еще не отперты, ходилъ я по монастырю, и вижу императора, расхаживающаго внутри монастыря. Я испугался и хотѣлъ бѣжать, чтобъ извѣстить объ этомъ настоятеля, но императоръ остановилъ меня и спросилъ:

— „Дома настоятель?“

— „Дома“, — отвѣчалъ я.

И государь пошелъ къ нему прямо; я за нимъ. Вошедши къ настоятелю, который въ эти минуты, въ монашеской мантіи, совершалъ утреннее правило, императоръ просилъ его благословенія. О. Фотій спросилъ его:

— „Какъ ты (извѣстно, что о. Фотій никому не говорилъ: вы, а всякому ты) вошелъ сюда?“

Императоръ отвѣчалъ:

— „Черезъ ворота со скотнаго двора“.

О. архимандритъ на это:

— „Скотными вратаи вшелъ еси; скотными и изыдеши“¹⁾.

Императоръ, огорченный таковымъ грубымъ словомъ, рассказалъ объ этой встрѣчѣ въ средѣ августѣйшей своей фамиліи и повелѣлъ одному изъ членовъ оной съѣздить въ Новгородъ и посмотрѣть, что такое — Фотій? Высокій путешественникъ сообщилъ о своемъ намѣреніи посѣтить Юрьевъ монастырь митрополиту, а митрополитъ далъ знать о томъ о. Фотию. О. Фотій приготовился и встрѣтилъ гостя великолѣпнѣйшимъ образомъ. Дорога отъ св. вратъ до собора и самый соборъ устланы были драгоценнѣйшими коврами, обставлена по сторонамъ рядами послушниковъ и монаховъ въ богатѣйшихъ стихаряхъ и ризахъ, съ 20-ю парами златосіяющихъ хоругвей. По совершеніи краткаго молитвословія въ соборѣ, когда посѣтитель прикладывался къ св. образамъ и изволилъ кое-о-чемъ разговаривать съ настоятелемъ, декорація перемѣнилась. Вся братія, при выходѣ августѣйшаго посѣтителя изъ собора, стояла уже въ черномъ, монашескомъ одѣяніи, и въ предшествіи ея по-парно, съ торжественнымъ пѣніемъ посѣтитель вступилъ въ настоятельскую келью. Высокій гость благодарилъ настоятеля и братство. Донося о такомъ приѣмѣ державному монарху, онъ успокоилъ и примирилъ духъ его съ о. Фотиємъ“.

Разскажамъ о. Арсенія объ о. Фотиѣ конца не было. Но я пожелалъ особенно знать о кончинѣ его, которой о. Арсеній былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. И онъ сказалъ:

— „Извѣстно, что о. Фотій вель самую воздержную жизнь, а чрезъ всю čtyредесятницу не принималъ никакой пищи. Послѣ столъ продолжительнаго пощенія, ему стоило великаго труда пріучить желудокъ свой, сжимавшійся въ орѣховую скорлупу, къ пищѣ. Онъ бралъ обыкновенно аптекарскіе вѣски, и отъ грановъ и золотниковъ восхо-

¹⁾ Ничего подобнаго этому отвѣту въ дѣйствительности, конечно, быть не могло. Явно, что Фотій это сочинилъ, рисуясь предъ своими приближенными мнимую дерзость отвѣтовъ. Р.

диль до привычныхъ приемовъ пищи. Въ послѣдній разъ, желудокъ его до того сжался и отвердѣлъ, что уже никакая медицинская помощь не могла размягчить и сдѣлать его удобоприемлемымъ къ пищу¹⁾. И онъ скончался далеко еще не въ старыхъ лѣтахъ. Росту онъ былъ ниже средняго, бѣлокуръ, весьма сухъ, съ небольшою бородкою и большими, быстро сверкающими глазами ¹⁾.

Въ Корнилевѣ же монастырѣ слышалъ я и о кончинѣ графини Анны Алексѣевны Орловой - Чесменской. Она срядилась въ С.-Петербургъ, приняла, по обыкновенію своему, св. причастіе, зашла къ преемнику о. Фотію, о. архимандриту Мануилу, для благословенія въ путь. Но тутъ же, съ чашкою кофе въ рукахъ, покатила на диванѣ и предала духъ свой Богу.

Отецъ Фотій и графиня Анна, согласные въ жизни своей, не разлучились и по смерти своей.

Я. Л. Морошкинъ,

заштатный, Тверской епархіи, священникъ.
Псковской губ., село Буриги.

¹⁾ Портретъ Фотія, гравированный академикомъ Сѣряковымъ, приложенъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 301.